

Федор Дядин. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Федор Дядин. Максим Горький

Чёрные линии железной решётки окна разрезали мутное небо на шесть квадратных кусков, в камеру со двора густо льются растворённые зноем душные запахи тюрьмы и безличные звуки вялой, подавленной жизни. Время тает медленно.

Дядин осторожно двигается вдоль стены и, быстро взмахивая рукой, ловит мух. Поймав муху, не торопясь разгибает пальцы один за другим, и, когда насекомое вылетит, он, поднимая брови, смотрит вслед ему сосредоточенным взглядом круглых тёмных глаз. Иногда, строго поджимая губы, он обрывает мухе крылья и, брезгливо стряхнув её с ладони на пол, вытирает рукавом рубахи мелкие капли пота со лба и щёк.

Его движения гибки и сильны, но спина согнута и голова – должно быть невольно – опускается на грудь. Солдат с досадой вскидывает её, хмурясь оглядывается на дверь камеры и точно слушает глазами – густые ресницы вздрагивают, прикрывая расширенные зрачки, тёмные усы шевелятся, худощавое лицо каменеет, принимая выражение упрямое и холодное.

В коридоре сонно бормочут – точно молятся – усталые голоса, сливаясь в тихий поток неясного ропота, – это унтер Макаров учит молодых солдат словесности, и порою всплывает его властный, сиплый голос:

– Не упирай на он! Говори ча-со-вой! а не чо-со-вой... дура пермская!

Дядин улыбается снисходительно и добродушно, гладит свои усы и стирает с лица улыбку. Потом, оправив рубаху, выбившуюся из-за ремня, он бесшумно идёт вдоль камеры, следя за тревожным мельканием чёрных мух.

– Смирно-о! – раздаётся на дворе.

А через минуту, захлёбываясь визгом ржавых петель, где-то отворилась дверь, тупо застучали шаги, звякнул штык, и Макаров торопливо повторил:

– Смирно!

Дядин застегнул ворот рубахи, опустил руки по швам и круто повернулся встречу топоту ног и гулкому грому замка, вдруг весь окутанный серой дымкой тупого равнодушия.

Толстая, окованная железом дверь нехотя отворилась наполовину, в камеру суетливо вкатился маленький солдатик, сунулся направо, налево, точно желая спрятаться, отдуваясь, остановился, тихонько ткнул в дверь кулаком и, подмигнув Дядину правым глазом, тихо, заискивающе сказал:

– Крепко! Здравствуйте, землячок! Жара! Давно сидите?

Дядин, улыбаясь добродушно, кивнул головой, а он, не ожидая ответа, быстро прошёл до окна, схватился за решётку, подтянулся вверх и, выглянув на волю, мягко спрыгнул на пол. Потёр руки, оглянулся и хозяйственно заметил:

– Как же мы спать будем, если одна койка?

– Дадут другую, значит, – ласково отозвался Дядин.

Солдат встал в углу и, направив в лицо Дядина изучающий взгляд маленьких мутных глаз, таинственно зашептал:

– А ведь как будто видел я вас где-то, землячок? Как вы думаете? Моя фамилия – Лукин, зовут Иван, нестроевой речного батальона. А вы будете второй роты Язвинского Фёдор Дядин – так или нет?

– Так! – сказал Дядин, всматриваясь.

– Ну, тогда – встречались! В овраге, за лагерем, около чугунного завода, на

Федор Дядин. Максим Горький gorkiytext.ru
собраниях – очень помню! Ещё вы, разок, говорили руководителю, Василь Ивановичу, что непонятно для солдата листки пишут и что всякая словесность должна быть ясная, простая, – верно? Я – помню.

Он сыпал словами быстро, точно отвечал заученный урок, и в тихом шелесте его речи звучала вкрадчивая ласковость виноватого.

Дядин задумчиво нахмурился, полуприкрыл глаза и внятно сказал:

– А я тебя не припомню...

Маленький солдат выдвинулся из угла, сел на койку и зашептал:

– Мало ли нас там бывало! Забыть очень можно! Однако – теперь всех позабрали, то есть – совершенно всех!

– Всех? – переспросил Дядин и, выпрямляясь, улыбнулся.

– Окончательно! – подтвердил Лукин и наклонился, снимая сапог. – До последнего человека выловили! Слабость наша! Народ языки распустил, заливают друг друга. Испугались все. Думали – мы сила! А обнаружилось, что бред и – больше ничего. И, конечно, хотя многие приставали к бунту, но ведь больше из любопытства – чья возьмёт?

Сняв сапог, он ковырял между пальцев левой ноги, сопел и бормотал:

– Народ – он какой? Для него стараешься, а он разве понимает геройство? Да и вообще все... И эти тоже учителя, господа! Примерно Василий Иванович. Кто таков он? Неизвестно! Был, ходил, говорил, и – вдруг – нет его! Где? Может, он и не учил нас, а ловил? Говорят – в тюрьме он. А как мы это знаем? Ничего не известно нам о нём...

Дядин повёл плечами и строго сказал:

– Ты этого не говори, земляк! Василий Иванович – верный человек, он настоящий апостол наш...

– Кто его знает? – вызывающе спросил Лукин. Дядин оглянул круглое, скорченное тело и внушительно произнёс:

– Я! Даже приму за него смерть.

Тогда Лукин схватил с пола сапог, выпрямился, радостно кивнул головой, тихонько воскликнул:

– Конечно, если вы...

– погоди! – остановил Дядин. – Всех арестовать – нельзя.

– Отчего же? Одних – больше, других – меньше...

– А которых больше? – победоносно спросил Дядин. – Ты – знаешь?

– Конечно, сосчитать не могу, но...

Дядин остановил его движением руки и стал ходить по камере, а Лукин, ворочая головой, щупал его внимательным взглядом и мигал, слушая тихий, уверенный голос.

– Апостолов было совсем немного – двенадцать. Кто победил? Они!

За окном качали воду – визжал и стучал рычаг. Таяние времени ускорилося.

– А теперь – апостолов множество. Они есть дети духа народного. Тайно рождённые дети наши – пойми! Им известны все мысли и желания людей известны! Апостол правды дорог народу – почему? В его груди моё сердце и твоё, и ещё тысяча. Когда тысяча сердец в одном – это сердце апостольское. И тысяча мыслей в одной голове – мыслей отовсюду взятых – и моя мысль и твоя. Соединённые, они горят и освещают нам невидимое, неясное нашему разуму. Это и называется – апостол народа.

Федор Дядин. Максим Горький gorkiytext.ru
Священнослужитель правды мирской.

Дядин говорил трудно – брал рукой горло, сжимал его пальцами, конфузливо покашливал, с явным усилием сдвигая слова в нестройные ряды. Потемневшее от напряжения лицо стало добрым и мягким.

Положив сапог на колени, Лукин упёрся в койку руками, поднял кверху свой широкий нос, сощурился и жевал губами, точно голодный телёнок. Кожа его лба и щёк, густо окрашенная тёмными веснушками, морщилась, жёсткие волосы рыжих усов шевелились, и всё круглое тело вздрагивало, волнуясь под напором какого-то нетерпения. Он старался заглянуть в рот Дядина, точно хотел видеть тяжёлые слова, из которых слагалась задумчивая и уверенная речь солдата.

– Давно сидите, земляк? – вдруг спросил он.

На секунду остановясь, Дядин равнодушно ответил:

– Второй месяц... а может, и третий уже.

– До-олго! Отчего же так долго?

Не знаю.

И, снова бесшумно ступая по полу, он закружился в камере.

– Что исходит из народа, из его великих трудов и мучений, – это уж непобедимо! Навсегда! Это – дойдёт до конца...

– А вас за что посадили? – тихо спросил Лукин. Его пёстрое лицо стало невинно хитреньким.

– Всё равно за что! – ответил Дядин.

Не выдержав его пристального взгляда, Лукин опустил глаза, вздохнул, но продолжал, настойчиво и вкрадчиво:

– Говорили у нас нестроевые – конечно, может, врут они...

– Что говорили? – строго спросил Дядин, снова останавливаясь и рассматривая солдата.

Лукин беспокойно завожился, начал надевать сапог и, кряхтя, отрывисто бросал слова.

– Вообще они... хвалили вас, земляк. Удивлялись тоже...

– Чему?

– Вы будто арестанта отпустили из-под конвоя и ещё там... разное врут!

Дядин выпрямился, провёл рукой по лицу и, добродушно улыбаясь, с лёгкой гордостью сознался:

– Это – правда. Я его отпустил.

Оживлённо подскочив на койке, Лукин топнул ногой, трепетно взмахнул руками.

– И стрелять мешали? И не стреляли?

– И это тоже...

– Н-ну! – протянул Лукин, снова садясь на койку. – За это вас и осудят же! Беда!

Стро-ого! Ух! Переступили присягу! Тут, знаете, поступок есть-таки! Невозможный поступок, по закону...

В таких восклицаниях маленького солдата явно звучало боязливое изумление, а его лицо освещалось странным удовольствием, почти радостью.

Дядин негромко и медленно сказал:

- Могу я чувствовать, где правда? Могу, потому что я человек! А тот арестованный для меня - апостол правды. Потому должен я был отпустить его без вреда, чтоб он жил дольше - в нём, говорю, моё и твоё лучшее - ты это пойми!

- Ну и любопытный вы! - слащаво воскликнул Лукин. - А-ах, боже мой! И - не боитесь?

Он потирал руки, шаркал ногами по полу, склоняя голову набок к двери, прислушивался к чему-то, а по его пёстрому лицу одна за другой растекались улыбки, точно круги по мутной воде, в которую бросили камень.

- Бояться надо греха против народа - а я для него не худо сделал, нет! Я хорошо сделал! - спокойно шагая, сказал Дядин и снова начал медленно составлять слова в ряды:

- Видел людей, которые подобно огню освещают миру правду, понял, что это правда и твоя и всех живущих. Людей таких надо беречь и возжигать сильнее помощью нашей, духом народа - а не гасить их корысти дневной ради. В правде народной - скрыта сила божия, и правда эта есть бог, ибо в ней свобода от греха.

- Хочется, видно, вам поговорить-то, земляк? - заметил Лукин с удовольствием. - Намолчались, хе-хе - а?

- Да, я теперь могу говорить, думал уже много. Надо поддержать святой огонь, надо!

- Это вы из евангелия говорите али от себя? - подумав, спросил Лукин.

- Евангелие я читал. И пророков. Ты, земляк, если грамотен, пророков читай! Они провидели все наши дни и грехи даже до сего времени. Когда ты речи древних пророков узнаешь, то будут тебе понятны и наши.

Дядин замолчал, задумался, остановясь у окна. Лукин поглядел ему в спину, на шею, его пёстрое лицо стало серьёзно, и, громко чмокнув губами, он сказал:

- Да-а, любопытный вы, землячок! Старовер, может быть? Из этих - как их? Их много - эх ты!

- Весь народ - старовер! - ответил Дядин, не оборачиваясь. - Издавна, неискоренимо верует он в силу правды - о рабочем народе говорю, который всё начал на земле и всех породил.

На дворе кто-то считал сердитым голосом:

- Раз, два, три, четыре...

И вдруг заорал:

Куда швыряешь, слепой чёрт!

Небо темнело.

Дядин отвернулся от окна, тряхнул головой и, улыбаясь, ласково и тихо продолжал:

- Дед мой крепостной человек был. Ушёл от помещика, бросил семью - за правдой пошёл. Поймали его, били плетями. Выздоровел - опять бежал. И пропал навсегда! Теперь - не пропал бы! Легко стало правду найти. Слышен голос её отовсюду. Вот мы в тюрьме - и она здесь. Здесь! Хочешь, я тебе покажу это?

Он широко шагнул к двери, а Лукин, недоумевая, вскочил с койки и, встревоженный, забормотал:

- Погодите - что такое? Землячок!

Торжествующе улыбаясь, Дядин взглянул на него, постучал пальцем в железную

Федор Дядин. Максим Горький gorkiymaxim.ru
задвину глазом и выпрямился, говоря:

- В мыслях люди везде свободны!

- Позвольте! - тревожно сказал Лукин, тоже подвигаясь к двери. - И я желаю выйти... то есть имею нужду в коридор...

Он часто мигал глазами, взволнованный чем-то, шарил в кармане штанов, дёргал себя за ус.

- Ты не бойся! - ласково посоветовал Дядин. - Народ надёжный, не выдаст! Чего бояться? Вот увидишь.

Заслонка осторожно поднялась, Дядин наклонился, а Лукин, отодвигаясь к окну, сердито ворчал:

- Не желаю... может, вы не в своем уме... и желаю просить, чтобы меня перевели от вас, - да! Чтобы я один сидел, позвольте!

Дядин, видимо, не слышал его голоса, он подставил ухо к отверстию в двери и на несколько секунд замер, прислонясь к ней плечом.

- Правда ли? - глухо спросил он.

И голова его стукнулась о дверь.

- Разные сумасшедшие - а я страдай тут... - возвышая голос, бормотал Лукин; он вытягивал шею к двери, точно собираясь прыгнуть, и тарачил глаза, свирепо округляя их.

Фёдор Дядин тяжело выпрямился, встал у двери спиной к ней, опустил голову и, отирая потное лицо, молчал секунду, две, три.

- Я, - высоким голосом воскликнул Лукин, - не желаю с вами - слышали? Желаю выйти! Вы тут говорите разное... я боюсь!..

Он тонко позвал:

- Надзиратель!

И голос его, взвизгнув, оборвался.

Дядин смотрел на него, печально покачивая головой. Лицо у него было серое, он задумчиво кусал губы, а пальцы рук его крепко сжались в кулак.

- Что вы? Пропустите меня в дверь! - потребовал Лукин, понижая голос.

- Вот ты чего боишься! - тихо сказал Дядин.

- И боюсь! - отозвался Лукин, пряча глаза. - Конечно! Может, вы не в своём уме!

- Да-а! - протянул Федор Дядин. - Стало быть, ты испытывать меня послан?

Лукин приподнялся на носках и снова негромко позвал:

- Часовой! Эй!

- Ну, если ты шпион, - иди, скажи им, что всё сделал я, что я тебе сознался! Иди!

- Заперто же! - вполголоса и сердито сказал Лукин, кивая головой на дверь.

- Отопрут! Только - вот что...

Дядин подвинулся вдоль стены, шаркая по ней локтями, остановился против маленького солдата и увещевающе заговорил:

- Своё, что тебе приказано, ты сделал, значит - обещанное получишь. А о том, что

Федор Дядин. Максим Горький gorki.umaxim.ru
из коридора про тебя сказали, зачем ты ко мне послан, – об этом не говори начальству – слышишь?

– Ладно! – ответил Лукин, не глядя на Фёдора и поёживаясь.

– погоди! Почему не надо говорить об этом? Ведь сказал мне один и не известно тебе – кто, а в коридоре – девять солдат. Всех начнут бить, страшать. Зря будут мучить людей. Ты сам солдат и должен понять – лишнее это!

– Понимаю! – с досадой отозвался Лукин.

– Ты мне побожись, что не скажешь.

– Чего же я буду божиться? Разве вы поверите теперь!

Почему не верить?

– Если я взялся... за эдакое...

– Это ты по глупости. Дурак ты – вот и взялся. Л теперь, один грех сделал, другой – обойди.

Оба говорили торопливо, но тихо. Один – спокойный, печальный, другой подавленный и унылый. Оса влетела в камеру и кружилась в ней, путая своё струнное жужжание с голосами людей.

Лукин отвернулся к окну и, глядя вверх, прошептал:

– Ей-богу – не скажу...

– Скажешь только про меня – верно?

Тогда Лукин взглянул в лицо ему и, поводя плечами, воскликнул ноющим от страха голосом:

– Расстреляют же вас!

Дядин отодвинулся подальше от него, спокойно говоря:

– Уж это всё равно – они и без тебя не помиловали бы... Иди!

Быстро сорвавшись с места, Лукин пошёл к двери, а Фёдор плотно прижался к стене – и придержал спереди рубаху свою, точно не хотел, чтобы она коснулась платья солдата.

Подскочив к двери, Лукин бил в неё ногой и кричал, раздражённо и тонко:

– Надзиратель! Отпирай!.. Черти!..

Но вдруг, оборотясь к окну, сказал торопливо и громко, чтобы преодолеть шум за дверью:

– Я не Лукин, а – Федосеев...

Дядин махнул на него рукой.

– Это всё равно мне!..

– А-ах! – воскликнул Лукин, толкая дверь руками. – Ну возьмётся же!

И пошатнулся: дверь отворилась, в камеру шагнул, сдвинув шапку на затылок, надзиратель Макаров, оттопырил усы и сурово спросил:

– Который безобразит, а?

– Ведите меня отсюда! – перебил его Лукин и, размахивая руками, лез вперёд, стараясь оттереть надзирателя с дороги. Макаров толкнул его в грудь.

- Куда прѣшь!
- В канцелярию...
- Я те дам!..

Из глубины камеры послышался внятный голос Дядина:

- Действительно, господин надзиратель, ему нужно уйти отсюда доложить по начальству, потому что зачем он был послан, то уже исполнил.

Из-за широких плеч Макарова на секунду поднялись две головы, мелькнули две пары внимательных глаз.

- Что же? - спросил Макаров угрюмо и густо. - Сознаёшься ты, Дядин?
- Так точно. Потому - всё равно мне назначена смерть, а они только людей зря портят...
- Ага... ну вот, значит... тогда конечно...

И Макаров вдруг свирепо крикнул:

- Запирай камеру! Разинули рты... ну!
- Позвольте... - тревожно крикнул Лукин. - А я как же?
- Подожди! Сейчас доложу.

Снова раздался мягкий голос Дядина:

- Вы, господин надзиратель, лучше выведите его в коридор.
- Н-ну, зачем же? - неопределённо сказал Макаров, глядя через голову Лукина.
- О том я вас очень прошу - как ему тяжело со мной и мне с ним тоже. Будьте добры.
- Да, - тупо сказал Лукин.

Тогда Макаров помялся и крикнул:

- Марш! Выходи! Вы двое останетесь при нём - вы!

Лукин согнулся и скользнул вон, а Макаров ушёл из камеры, пятясь задом, точно лошадь в оглобли. Дверь не торопясь закрылась. Медленно задвинули её засовом, негромко и не спеша заперли на замок.

Потом за нею начали говорить негромко и сердито, перебивая друг друга. Раздался резкий крик:

- Дураки, черти! Надо было раньше сказать!..

Топнули ногой о пол.

Дядин выслушал все звуки, вздохнул, улыбаясь, повернулся лицом к окну и выпрямился, подняв голову вверх.

Уже пришёл вечер, стало прохладнее.

1910 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в "Литературно-художественном сборнике" издательства "Непогасшие огни", Екатеринослав (ныне Днепропетровск - Ред.), 1910.

В собрания сочинений рассказ не включался.

Федор Дядин. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Печатается по тексту машинописной копии, исправленной автором (Архив А.М.Горького).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!